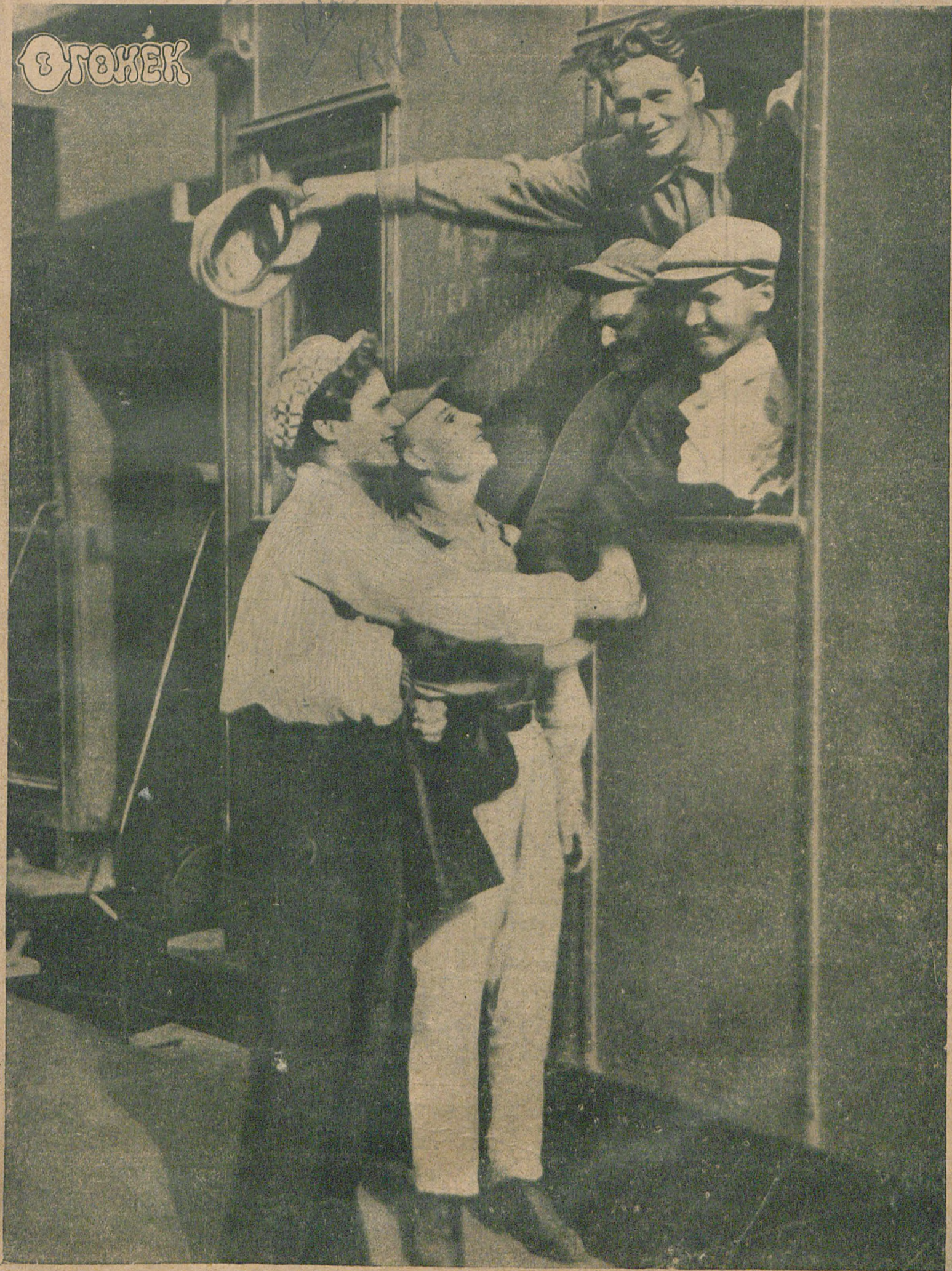

Огонек

2.000 КОМСОМЛЬЦЕВ В ДЕРЕВНЮ!

Фот. Р. Керман.

Две тысячи комсомольцев направлены на работу в деревню. Рука об руку с партией Комсомол укрепляет коммунистический фронт в деревне.

XX 146
13
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
ИМ. В. И. ДАНИЛА
146
13

2-я годовщина Советского Союза

Ф. Т. С. Тулеса.

В Москве, на Ходынке 5 июля состоялось массовое празднование 2-й годовщины создания Союза Советских Социалистических Республик.

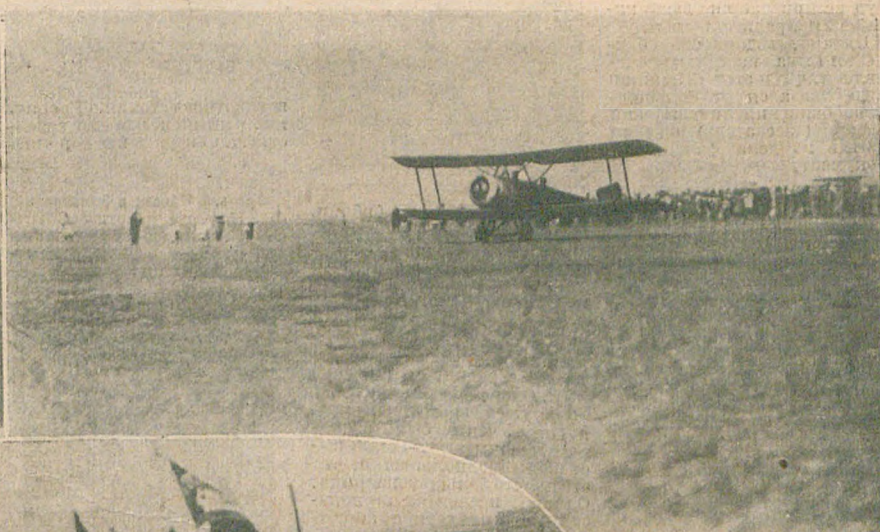
Перелет Москва—Монголия—Китай

Ф. Т. Г. Эппе.

Начальник экспедиции тов. Шмидт с автомобиля приветствует иркутян.

В минувшем году нашими летчиками был совершен перелет через Гиндукуш; наши летчики были на Новой Земле; наконец, во время гражданской войны таежные леса Сибири и лески Монголии видели красную звезду наших самолетов. Все это позволяет с уверенностью считать, что прецеденты физического порядка, которые

Участники экспедиции в Иркутске. Первый гость уже спустился на аэродром.

оставлял эту трудность начатого перелета, будут преодолены нами. Пустыня Гоби впервые увидела над собой самолет. Пекин, уже издавший самолеты иностранцев, впервые принимает у себя советских летчиков, несущих далекому братскому китайскому народу товарищеский советский привет.

Иркутск. Организованные массы рабочих и крестьян на пути к аэродрому.

«Свободная конкуренция». Успех советской нефти и нефтепродуктов растет с каждым месяцем. Нефтесиндикат заключил очень выгодные договоры со многими иностранными фирмами на поставку сотен миллионов пудов нефти.

Иностранные нефтяные компании не могут испортить для нас нефтяной рынок, не смотря на все свои старания.

Итак, путем свободной конкуренции нефтяные «короли» не могут добиться своей цели... на помощь приглашены — полиция, охрана, русские белогвардейцы и фальшивые документы.

Представителем нефтесин-

диката в Китае был т. Доссер. Он хорошо торговал советской нефтью, число покупателей в Китае у нефтесиндиката росло.

В один прекрасный день тов. Доссер был арестован. К нему предъявили обвинения в пропаганде и агитации против иностранцев, а чтобы еще более оправдать обвинение, подбросили Доссеру в его отсутствие сфабрикованный быв. русскими офицерами, теперь полицейскими, документ.

Тов. Доссер был предан смешанному суду, состоящему из судей по назначению иностранных консулов. Этот суд не признается даже китайским правительством.

Однако, вдобавление обвинения была настолько очевидной, что и этот «Шеминин суд» отказался от большинства обвинений, а английский ассессор (заседатель) пожелал изъять из дела фальшивый документ.

Академик Павлов — почетный профессор Парижского университета, Ленинградский профессор академик Павлов избран почетным профессором парижского университета.

Избрание академика И. П. Павлова почетным членом Сорбонны является новым признанием его крупных заслуг перед мировой наукой. Учение об условных рефлек-

сах, основанное им, это целая новая и удивительная глава физиологии, уже сейчас дающая нам совершенно новый и при том чисто об-

ективный и материалистический подход к изучению душевных явлений. В будущем же учение об условных рефлексах раскрывает перед нами широкое перспективы и позволяет надеяться, что тайны «души» будут в ближайшее время наукою разгаданы. Новое признание французскими учеными заслуг И. П. Павлова является в то же время и признанием мирового значения русской науки.

Х-лучи и мумии. В последнее время рентгенизация получила применение даже в археологии. Вскрытие мумий всегда представляло большие затруднения, т. е. мумии легко рассыпаются и тогда теряют всякую ценность, из-за невозможности изучения. Недавно в Чикагском археологическом музее были произведены опыты исследования мумий посредством рентгеновских лучей, без вскрытия. Оказалось возможным определить возраст, пол мумии и положение скелета. Кроме человеческих мумий, были радиографированы мумии священных животных Книгта — кошки, крокодила, коршуна. Все эти опыты были произведены над козлейкой мумией, собранной в Чикаго, для отправки на Парижскую выставку.

Свобода науки в Америке. Проф. Джон Скопс, арестованный в Штате Теннесси за нарушение им закона о преподавании теории Дарвина,

противоречащей Библии. Скопс заявил, если он будет осужден — в Америке нельзя будет утверждать, что земля круглая, ибо об этом ничего не сказано в Библии.

Немецкие ученые и крокодил. В середине мая месяца на р. Одере (Германия) был обнаружен громадный крокодил. Ученые были в полном недоумении. Были высказаны предположения, что это просто большая ящерица. Однако, исследования показали, что найденное животное действительно крокодил. В Франкфурте была образована специальная ученая комиссия для выяснения этого вопроса. Профессор Лейц выступил с утверждением, что при некоторых условиях крокодилы могут жить и в р. Одере, при чем для подтверждения своей теории выставил ряд научно обоснованных доказательств. Комиссия признала их вполне удовлетворительными. Однако, через несколько времени полиция, производившая расследование, доказала, что крокодил бежал из зверинца братьев Райх и что они, боясь взбудоражить население, ничего об этом не сообщили властям.

Сыновья испанского короля — вожди фашистов. Испанский принц и его младший брат покидают церковь после богослужения «Соматон» — как называются, испанские фашисты.

Переворот в Греции. Генерал Пластирас — один из вождей

военного восстания в Греции, который в свое время содействовал свержению короля.

Фритюф Нансен в Закавказье. Ф. Нансен посетил Советскую Армению со специальной комиссией для организации помощи беженцам —

армянам в деле возвращения на родину. Комиссия эта также занялась вопросами развития хлопководства и ирригации и будет работать на средства «Международного филантропического общества». На снимке — Нансен с женой.

Незаурядный! художественно-литературный труд С. З. Федорченко «Народ на войне» единодушно отмечен критикой, как ценный вклад в подлинную литературу о войне. Как известно, таких подлинных художественных произведений, отражающих без прикрас всю неистинную мерзость войны — войны вообще — очень немного. В частности, в книге С. Федорченко идет речь о войне 1914 года. Оригинальная

форма — непосредственная запись мыслей, наблюдений и бесед рабочих и крестьян, втянутых в бессмысленную войну — и высокохудожественная обработка языка — делают книгу С. Федорченко весьма значительной и одной из ценнейших книг, написанных о войне 1914 года. В библиотеке «Огонек» выходит часть труда С. Федорченко.

«Человек, которого перелистывают». Так назвал Бриан Филиппа Бертелло, главного хранителя документов, относящихся к Версальской мирной конференции. Дело в том, что эти документы составляют громадную библиотеку в десятки тысяч томов, в которой один Бертелло в состоянии разобраться. Мало того, от целого ряда переговоров между делегатами не осталось никаких письменных следов. Один Бертелло, обладающий феноменальной памятью и присутствующий на всех заседаниях, помнит все, что происходило и что говорилось в этот период. Недавно Бертелло взял в какую-то грязную денеж-

ную историю и был уволен из министерства иностранных дел. Однако, ввиду его «незаменимости», пришлось амнистировать этого спеца.

— Когда я бываю в затруднении, — говорит Бриан, — я зову Бертелло и «перелистываю» его. Эпизоды такие «перелистывал» Бертелло, но только инкогнито, в виду осуждения последнего. Теперь правительство снова официально пользуется услугами Бертелло, назначенного директором департамента французского министерства иностр. дел.

Имя германского пролетарского писателя и поэта Эриха Мюсама — известно нашим читателям. В частности в «Огоньке» был отмечен факт освобождения его из тюрьмы, в которую он был заключен баварским правительством за проповедь отказа от «оборонности» отечества. 7 ноября 1919 г. Эрих Мюзам избирается в Мюнхен-

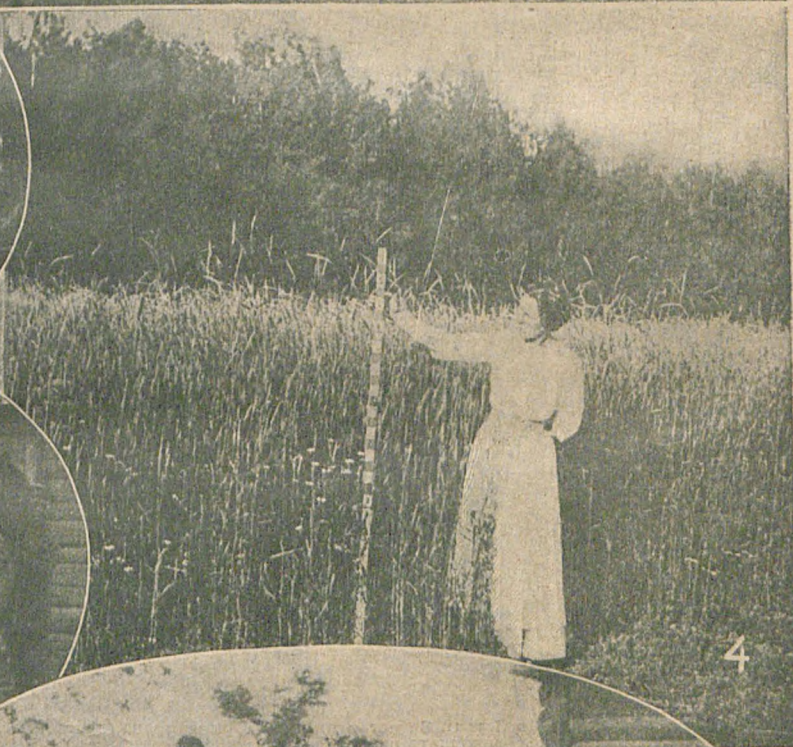
ский Совет Раб. и Солд. Депутатов. Во время реакции за провозглашение лозунга Баварской республики Мюзам был приговорен к 15 годам заключения. Активная политическая деятельность талантливого пролетариатского писателя наложила яркий отпечаток на его творчество. Стихи Мюсама и его короткие острые памфлеты полны неугасимой ненависти к капитализму, к его институтам и всему его сложному и страшному аппарату.

В очередной книжке библиотеки «Огонек» выходит избранные памфлеты и стихи Эриха Мюсама.

Что еще изобретено в Америке? Это не водонепроницаемый шлем, а новая маска, которая предохраняет от всякого шума и

дает возможность спокойно в тишине работать на самых шумных фабриках и в мастерских.

Впервые за 8 лет ожидающийся урожай можно будет назвать более или менее нормальным. Валовой сбор предполагается около 3.700 миллионов пудов.

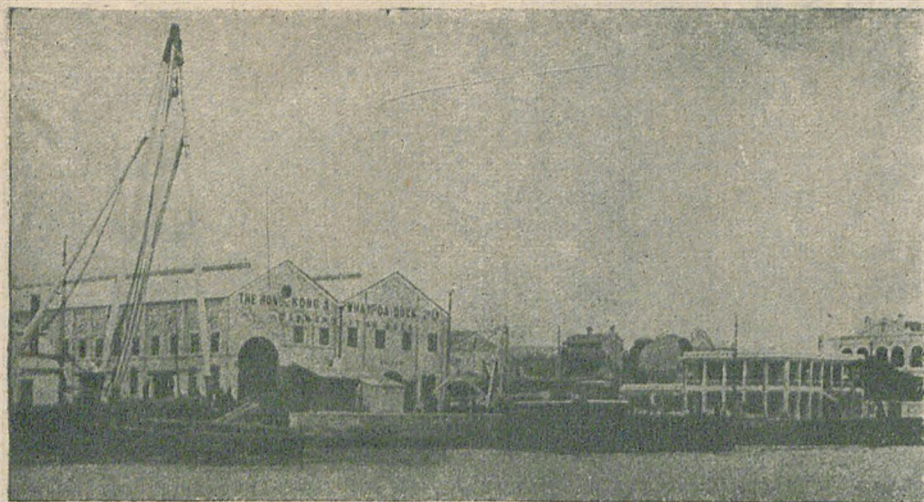
Нем будет использован урожай?

На первом месте — кооперация. В кампанию 1924—25 г. кооперация сняла с рынка около 250 млн. пуд. хлеба. Можно думать, что в новую кампанию она сможет снять около 400 млн. пуд. Непосредственная ссылка основных государственных заготовителей (Хлебпродукт, Госбанк, Госорг, Укргосторг и Укрмут) составляла около 150 млн. пуд. в 1924—25 г., в будущем году она сможет достичь 350—400 млн. пуд.

Частная заготовка и мелкие государственные организации сняли с рынка в минувшую кампанию миллионов триста. В этом году их заготовка, надо думать, уменьшится: на их долю придется 200 млн. пуд. хлеба, т.е. в общем до 1 млн. пуд. товарного хлеба будет снято хлеботорговым аппаратом.

Нормальный урожай этого года открывает большие хозяйственные возможности. Использование этих возможностей делает кампанию исключительно ответственной, в особенности в части непосредственной реализации урожая. Своевременное поставление и во многом уже разрешенные вопросы позволяют думать, что задачи урожая будут разрешены.

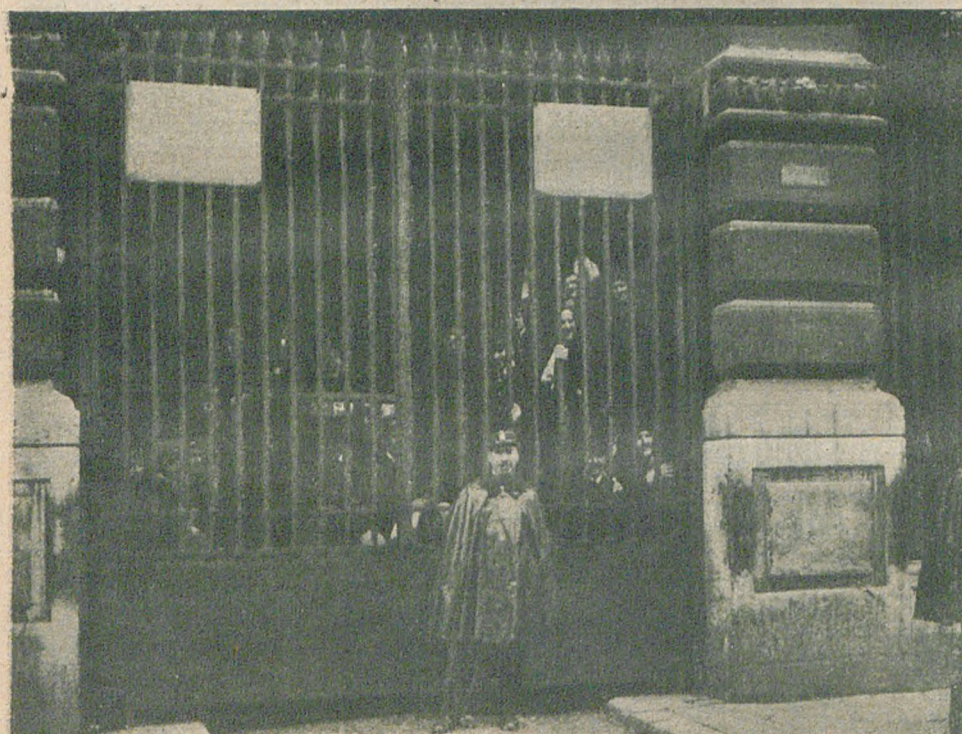
1. Общие работы крестьян. Посадка огурцов членами Муравишинского сельско-хозяйственного товарищества. 2. Сенокос. Уборка сена. 3. Выдача сельско-хозяйственных орудий из прокатного пункта, основанного членами Караваевского сельско-хозяйственного товарищества. 4. Рожь. Кустовка после выкорчевки пней без навоза. 5. Готовят серпы — скоро жатва!

Всеобщая забастовка в Китае. Порт Гонконга, закрытый вследствие забастовки стивадоров и грузчиков.

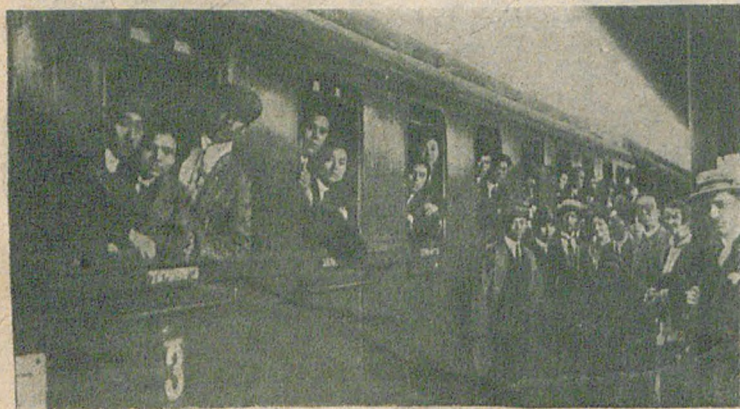
Посол Цанкова под охраной. В связи с казнью коммунистов в Болгарии в Берлине состоялись массовые демонстрации протеста перед болгарским посольством. С этого времени болгарское посольство в Берлине охраняется полицией.

Забастовка почтовых служащих в Париже. Забастовщики заблокировали выход из почты, чтобы помешать выезду почтовых карет.

Главнокомандующий французской армией в Марокко. Слева направо: Санхи бей Баранат (председатель федерации Дамаса и Алена) — генерал Нолан, — командующий французской армией в Марокко, Леванта де-Кеффи — генеральный секретарь верховной комиссии, генерал Серай (пожимает руку привезшему его на берег марокканскому офицеру).

Высылка «тридцати трех». Около 10 дней тому назад в Париже состоялась демонстрация протеста китайских студентов против насилия иностранцев в Китае. Парижская полиция, разогнав демонстрацию, арестовала 33 студентов-китайцев и выслала их из Франции. Студенты-китайцы направились в Берлин, где были встречены представителями организаций Межконтинентальной молодежи, членами германской Компартии и другими организациями. Эти организации взяли на себя переправку студентов-китайцев к себе на родину в Китай через СССР. На этих днях китайцы прибыли в Ленинград, откуда приедут в Москву. На снимке — высланные китайские студенты на вокзале в Берлине.

Кризис горной промышленности в Англии. Новый кризис в горной промышленности в Англии быстро растет. Собственники рудников требуют уменьшения заработной платы и увеличения числа рабочих часов. Горнорабочие отказались от этих условий и общая забастовка неизбежна. Пока еще идут переговоры. На снимке — делегация горнорабочих после конференции с собственниками. Слева направо: Герберт Смит, В. Ричардс, В. Т. Ричардсон и А. Ж. Кун — секретарь федерации горнорабочих и лидер английских коммунистов.

На Свердловской площади 7/VII—1925 г. Митинг протеста против финансовой блокады Запада.

Фот. П. Оцула.

Присоединение тану-тувинского крестьянства к Крестинтерну. Делегация тану-тувинской (бывший Урянхайский край, пограничный с Монголией и Китаем) народной революционной партии в Крестинтерне.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Из повести Л. Никулина «Гнилое лето».

Николаю Баскакову не везет. Не везет потому, что не кадровый, а корнет военного времени, потому, что нет мирной жизни в Московском гарнизоне, нет офицерского собрания и хорошей связи с дамой хорошего общества. Но он не мог не признать удачной случайности, которая привела его в Москву, в лазарет Московского купечества, как раз в те февральские дни, когда Питерские рабочие валом хлынули на улицу, а гвардии Волынский полк перестал слушаться господ офицеров. Корнет Баскаков плохо понимал, почему грохот старых, разбитых грузовиков Земгора, где ежем солдатские штыки, почему падающее лавиной ура, и топот многих ног, и алые лоскуты, катящиеся между старыми тихими домами? Тяжело и трудно было в штабе армии в городе Овруче: кто командует, кого слушать—ставку верховного, думский комитет, Петроград, из-под земли выросший совет из подмастерьев и вольноопределившихся? Но не легко и в Москве, где новые слова—черным по белому, слова, за которые надо бы в Шлиссельбург, в ссылку, в петлю. Мокрая, сырая весна, ручьи под мерзлым навозом и снегом. По знакомой улице, мимо зеркальных квадратов, где цветы, шелка, камни, мечущие голубые и желтые огни, где женщины в отливающих ночью и снегом мехах, солдаты в папах с красными бантами, полшубках, яловочные, обрызганные грязью сапоги. И корнет Баскаков, в кавалерийской, длинной по форме, шинели, в фуражке с желтым верхом, оттиснут к краю тротуара, где мальчишки торгуют наскоро тиснутыми листками-памфлетами:

— Про Гессьнекую муху и русскую разруху!..

— Про Гришку и Сашку и шелковую рубашку!..

И еще торгуют портретами разных бородатых и безбородых штатских, называемых временным правительством бывшей Российской империи.

Судьба отмечала дни корнета Баскакова переменной установившейся формы. До двадцати лет—короткий мундирчик дворянской гимназии. После двадцати—студенческий мундир при диагональных бречах, серая николаевская шинель (бобры), фуражка, а при мундире и шпашге—треуголка. Затем—юнкер краткосрочных кавалерийских курсов военного времени, затем установившаяся форма Ровенского драгунского его королевского величества короля римпского полка. Без перебоев. От формы к форме. Даже в детстве—гусарский мундирчик с ментиком и игрушечной сабелькой. Но не все устроено, как надо в жизни Николая Баскакова, записанного в пятую бархатную книгу дворянских родов Российской империи, потомственного дворянина Николая Баскакова. Надо бы пажеский е. и. в. корпус и хорошего тона гвардейский полк. Но средства... Откуда средства у вдовы председателя окружного суда Марии Баскаковой, урожденной графини Шиншлей? И потому—университет, сюртук на белой подкладке и академический значок. Революционеры и инородцы—мундирки кадетствующих профессоров—что есть право, Гусь Гроций, Савиньи, Пухта, Петражицкий... Зато в шестнадцатом году на краткосрочных кавалерийских курсах военного времени наизусть, наперечет, гвардии и армии кавалерийские полки, равно как и масти оным конным полкам присвоенные, традиции и цук Николаевского кавалерийского, Владимирского и прочих училищ... В четыре часа утра, длинный, худой в подпоясках и кудой

сорочке будил юнкер старшего курса... Скреб грудь, расчесывал желто-золотистую шерсть, мигал красными веками без ресниц и зевал, показывая платиновые пломбы.

— Юнкер Баскаков, кто я?..

— Вы есть красивый корнет...

— Юнкер, Баскаков, кто вы?..

— Я емь хвостастый зверь-чудище, обло, озорно, стозевно и лаяй...

— Разница между его величества Нижегородским драгунским и гвардией?

— Все, кроме литавр...

— Масть гродненского гусарского?..

Сводило веки и мутящее кружение в мозгу от внезапно оборванного сна.

— Гнедай...

— Неправиль-на-а... Сугубый, стань на четыре, возьми бумажку в зубы—веи в уборную...

Или босыми ногами на холодный пол, держа на весу руки присесть и подниматься без конца, пока не оставит бесовница юнкера старшего курса, пока не зевнет в последний раз, ляская челюстями, показывая платиновые пломбы.

Традиция, цук, благородный обиход...

И есть также, которые полагают, что это нелепость.

Когда же в 1916 году желанные две звездочки на погонах с шифром и короной, длинная кавалерийская шинель и палаш, все ни к чему, в офицерском собрании—прапор и подпоручик из шпашков и до мук желанный парадный мундир не удобен к ношению во время военных действий. И даже аксельбант ад'ютанта при военном округе, как раз в те дни, когда в военных министрах—штатский шпаш из адвокатов в земгусарском френче.

* * *

В штабе военного округа против младшего офицера отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона прапорщика Зайцева—штабная карта, цветной шпур, изворачиваясь, бежит от моря и до моря, показывая русскую и австро-германскую армии. Офицер генерального штаба—серебряный погон, белый кант по краю, день в день по свежееотпечатанному сводкам дыгает цветной шпур. Но от июньских дней шпур залег неподвижной кровью чертой на выцветшей от косяго солнца карте. И так же по шпuru от моря и до моря на много сот верст, от песчаного рижского взморья до жирных черных пластов волынского чернозема ушли в землю десять миллионов русских и пять миллионов австрийцев и немцев. На полосе черноземной земли, отделяющей русские окопы от немецкой колючей проволоки, росли пышные полугаршинные травы, метал по ветру пух одуванчиков, качались и гуляли в траве желтые солнышки диких цветов. Росли цветы и травы невиданной пышности, росли на земле, вспаханной невиданными плугами. С дымом и грохотом облаком падал огненный клин, разворачивая в жирной земле воронку, высоко бросая в небо сырые комья. Но в месяц заросли дерном рваные блядины рань земли и опять лез лопух, трава и цветы, пока вновь не взроет землю новый огненный плуг. И так сеют каленый чугун. Благодарное лето, юг, благодатная земля-мать, кормившая миллионы, теперь вытоптанная, выжженная, взрытая снарядами на сотни верст к северу и югу и на сто верст в глубину фронта. Как тяжелый поезд по невиданным рельсам, шел в небо снаряд, шел на оноп, падал или перекирвал окоп и люди вжимаются в сырую, окопную стену, секунда от секунды,

миг от мига—бездн, пропасть. Овал, грохот, жаркий вздох взрыва. И опять дремлют в земляных норах. Гулкие винтовочные выстрелы за проводкой и вскрик, всхлипывание, хорошо если легко, в мякоть—уездут в тыл, в жизнь. Ночью совсем тяжко, не звать зеленой травяной полосой, не видать чужой проволокой, над головой световые, полыхающие угли, гул и содрогание земли. Зелеными огнями играст в ночи шрапнель и медленно падающим, долго светящим роem светят боевые ракеты. Какая жизнь, кто за травяной полосой, за чужой проволокой—чужой язык, но человеческий свой голос. Подать голос из окопа и послушать, но где человеческому голосу, глушат громовые гаубицы, шарахаются гостинцы из тупорылых бомбометов, дугает окопная ночь. А утром все, как было: проволока, сочная дикая трава и, как месяц назад так и теперь, выбросив руку, головой к немцам, на проволоке—мертвый солдат. Когда дует утренний ветер, чуть качает тело на проволоке и странно, точно живой содрогается труп. Фронт.

Цветной шпур. Штабная карта. Тыл.

Кому легко дается тыл, а прапорщику Зайцеву через две нашивки, там, где на рукава. Простая, солдатская нашивка, только не на том месте, надо бы там, где нет двух бедер и впадина и углом свежий четырехмесячный шрам или ниже колена, где осколок на излете смил как глину мускул ноги. Везет прапорщику—выжил.

Приходится жрать и Зайцев глядит на знакомый четырехугольник на стене против узких длинных окон с квадратными стеклами, какие бывают только в старых казенных домах. Давно не беленые стены, потому четырехугольник—три аршина на два—много более остальной части стены и потолка. Обыкновенная комната, присутственное место и белым на стене, где меньше пяти месяцев назад висел портрет—три аршина на два—царь в Преображенском полковничьем мундире. Час и три четверти у Зайцева перед глазами запыленный потолок с трещинками, стены в подтеках и вдоль стен—четыре стула. Металлическое стрекотание пишущих машинок, шелест страниц и гулкий шаг офицеров из двери в дверь. Стул был скрипучий, расшатанный, беспокойный под большим тяжелым телом Зайцева. Закапанная чернилами, вырвавшая штанина без канта девет из сапога. У гимнастерки нет верхней пуговицы и застегнута на две вверх и внизу, так что видно, что надеда на голое тело. И штабный офицер—корнет Баскаков, как надлежит офицеру хорошего армейского, чуть ниже гвардии, полка, глядит с усмешкой в полоборота...

— Прапорщик Зайцев—прашу...

Еще казенная комната—четыре окна, в окнах дождливая серость и в большой комнате сумерки. Стол, и резка, и скатерть, и пять кресел, и опять новый невылинявший от солнца четырехугольник, белым на стене от портрета, которого нет. После двух часов в комнате писарей занимательны новые лица. Лысеющий полковник с подстриженными усами с Владимиром и подчеркнутой строгостью формы военных судейских. Штаб-напитан в золотых очках с университетским знаком, должно быть военный прокурор. И представитель совета солдатских депутатов, вольноопределяющийся в френче с георгиевской ленточкой, смуглый с красными пухлыми губами и влажными глазами, какие бывают только у южных евреев или крымских караимов.

И корнет, который позвал Зайцева, очень уж старательный, потому старательный, чтобы думали, что старый, военного времени.

Полковник с прохладцей указательным пальцем и средним пальцем шелестит обложкой дела, отвернул обложку и, выждав сколько нужно, уходит весь вглубь, в кресло, так, что Зайцев видит только серебряный погон и восковую наклоненную вперед лысину. И опять Зайцеву ясно, что хотя время не то, но надо показать, что машина в ходу, что все по старому, круто и крепко.

— Можете сесть. Имя, отчество, фамилия, лета, вероисповедание, судимость. Зайцев упирает вытертый локоть гимнастерки в край стола, отвечает, запинаясь, размышляя, как на экзамене, и вдруг вспоминает давний сон гимназический: экзамен—катехизис, стол, скатерть, лица, скудный голос...

— Я Иван Иванович Зайцев, двадцать девять лет, по бумагам православный, род судом не был.

Он опять заинашивается, потому что в эту минуту его занимает приблизительное совпадение давнего сна и этого допроса. Как это называется у психиатров?..

— Вам предлагается ответить военно-следственной комиссии Московского военного округа на нижеследующие вопросы. Первое: есть ли как в целом дивизионе, так и в отдельных батареях среди солдат так называемое «большевистское движение» и идет ли оно на убыль? Второе: какие лица из числа солдат подлежат изъятию из общей массы, ввиду вредного влияния на солдат, а также какие имеются конкретные данные о связи отдельных солдат с большевистской фракцией совета?..

Голос идет снизу, из воротника кителя. Зайцев попрежнему видит желтую лысину и наклоненные к месту, где на-

ходятся уши, развороченные розовым лепестком, мягкие розовые губы прокурора.

Зайцев молчит и дышит, мерно потягивая носом сквозь свисающие вниз усы.

Корнет уже приготовился писать, аккуратно расположив бумагу, перья и пресс-папье. Вольноопределяющийся медленно переворачивает страницы дел.

— Может быть повторить вопросы?..

— Нет...

Зайцев смотрит в окно на перебегающую мокрую крышу трамвая и мокрые качающиеся зеленые верхушки. Затем, повернув голову, смотрит на вольноопределяющегося, который старается смотреть так, как все. Суровый и приятный долг. Прокурор шепчется с корнетом удивительно сухо, как бы о деле, но непривычный к судейской выдержке корнет улыбается потому, что ясно, что дела не причем.

— Прапорщик Зайцев?

— Да... Я сейчас...—нехотя, как бы размышляя вслух, сжатым кулаком отбивая такт речи...

... Надо отделять так называемое большевистское движение от отношения к войне... Большинство солдат против войны... Это естественно...

— Как вы сказали?..

Военный судья полковник Эрастов поворачивается в профиль к прокурору. Зайцев видит только розовое ухо и редкие волосы начесом на висок.

— Естественно?..

Прокурор читает самое нужное в глазах судьи.—Старый судейский навык.

— Разрешите задать вопрос свидетелю?..

Тихонько, мягенько с усмешкой он в ожидании нужного ответа.

— Прапорщик Зайцев... Как вы лично относитесь к исполнению вашего воинского долга?.. Короче—ваше личное отношение?..

Зайцев вздыхает. От двух часов бездумия и безделья сонливая усталость.

— Что ж тут говорить?.. Я думаю, что каждый...

— Короче... Просьба отвечать только на вопрос... Вы... сами... как полагаете о воинском долге?

И вдруг Зайцев с внезапным раздражением:

— Я...—против.

Сверкающие зайчики прокурорских очков—голоборота в сторону судьи.

— Так... Еще вопрос—знают ли солдаты батареи об убеждениях прапорщика Зайцева?

— Знают. Не скрываю.

Все. Прошу занести в протокол.

И как после трудного и чисто сыгранного пассажа легкий жест прокурора в сторону судьи. Теперь лейт мотивом вступает и д. военного судьи полковник Эрастов.

— Второй вопрос: какие лица подлежат изъятию из батареи, таким образом, отнал...

Исполняющий должность военного судьи медленно обводит взглядом троих—прокурора, корнета и вольноопределяющегося. Затем отчетливо, и с привычной сухостью, как бы читая по писанному:

— Посему обвинение, предъявляемое вам, можно формулировать, как государственную измену. Военно-следственная комиссия находит нужным перевести прапорщика Зайцева из свидетелей в обвиняемые. Представитель военно-прокурорского надзора не откажет в распоряжении о взятии под стражу.

За дверями тяжелый шаг солдатских сапог и лягз приклада о косяк двери и мягкий рокошущий баритон Баскакова...

— Сдать на офицерскую гауптвахту. Под расписку. Арестованный Зайцев, Иван.

Л. Никулин.

О ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Новое течение в японской поэзии началось в конце прошлого века, в середине девяностых годов, под влиянием Байрона, Вордсворта, Шелли и проч. Японские молодые поэты—Симадзакис Тоосон и Китакура Тоококу, кончивший затем жизнь самоубийством, организовали издание литературно-художественного журнала «Бунгё-кай» («Литературный Мир»), печатая в нем оригинальные и переводные стихотворения, повести и романы пламенной любви, разочарования жизнью и т. д.

В годы русско-японской войны, когда японская молодежь увлеклась Верленом, Бодлером и другими французскими поэтами-символистами, выдвинулись символисты Камбара, Мики Рофу, Кита

Хара и некоторые другие. После войны, под влиянием Уитмана Траубера и, пожалуй, Верхарна, возникло течение демократическо-революционное. Появились так называемые «поэты народа». Рядом с ними, хотя совершенно отдельно, стоял ярко выраженный революционный поэт Исикава Такубоку, умерший, к сожалению, молодым. Стихи его отличаются большой простотой и художественностью. Язык его «танка» (маленьких японских стихотворений в тридцать один слог)—проработанный разговорный язык, между тем как язык старых поэтов «танки»—искусственный и застывший.

Исикава—поэт пролетарский и по форме, и по содержанию. Мотивы стихов

его: бедность трудящихся и возмущение гнетом капитализма; тон—сатирический или печальный; форма—свободная.

Рядом с Исикава, под влиянием французского натурализма и русского реализма, появляются японские поэты-натуралисты, стремящиеся описывать жизнь, как она есть.

Старые формы—сменяются новыми. Искусственный литературный язык—разговорно художественным. Поэты старых форм—«танка» и «хокку», становясь учителями скучающих дамочек и дилетантов-поэтов. Выходя из берегов национализма, японская поэзия стремится войти в русло общечеловеческой мысли и жизни.

Прф. Нобуру Катаками.

Печальное пение на спине лошади.

Понуро идет моя лошадь;
Печаль моя тяжела.
Цветут кике—цветы осени,
Поют перепела.

У подошвы вулкана Асама
Сосны стоят кольцом,
Ветер холодный, печальный
Дует ровно в лицо.

Из жерла горы извергаются
Пепел, дым и пары...
Высоко гора подымается,
Жутко вверху горы.

Дорога все выше и круче,
В воздухе—пепел и дым.
Платье становится белым,
Конь вороной—седым.

Высоко гора подымается.
Сердце ее в огне...
Но разве слабей пламя
В сердце другом—во мне?

Разве сжечь мир угнетенья
В людях не хватит огня?
Взрывайся тогда, о Асама!
Взрывай и себя и меня!

Кодама Кагай.

Весенняя печаль.

Сижу у окна...
В бесконечном просторе
Вижу небо, как будто во сне.
Наступает весна.
Буйно плещется море,
Печаль нарастает во мне.
Угасают лучи.
Затуманились дали.
Стонет серая чайка вдали.

Улетай и молчи!
Слишком много печали
В этих днях, что навеки
прошли.

Нарастает волна.
Темно-серые тучи,
Как печальные прошлые дни.
Я кричу из окна.

Отзываются кручи.

Где-то колокол глухо звонит.

Кобаяси Айю.

Я работаю и работаю...
И все-таки беде.
И вот смотрю пристально
На ладонь свою...

Исикава Такубоку.

Когда у двери, где цветут
Малютки-хризантемы,
Услышишь голос птиц,
Перелетевших реку.
Растет любовь и к ним,
И к человеку.

Канеко Кун-Эн.

В походе. На привале.

Е старой царской армии лагеря не менее наших содержались в чистоте. Под теми же березками, под той же сохой стояли белые шатры, но лагерь в царское время был «летней каторгой».

куда более тяжелой, чем «зимняя каторга» — царская казарма.

Вместе со всем «станковым» инвентарем, переезжал в лагерь — казарменный мердобой, переезжало и особо в лагерях

культивировалось наказание «в полной выкладке под ружье» «Словесность» на вольном воздухе расплеталась: — на одно приличное слово полагалось десять «небоскрежных».

Кто удосужился «погостить» в царской армии — тот помнит, как пытали солдата в казарме и лагере издевательством в строю и особо на поверке. С виду ласково вкрадчивое, поощрительное фельдфебельское:

— Мордочку орлик, повысьте... Смотри веселей, молодцы!

И — бах кулаком жилистым «про-режимным» — «орлика по мордочке».

Или: роты — в жарком походе. Ротный подведет роту до прохладной реки и вдруг зычная команда:

— Кру-у-гом!...

Зато на дороге, мягкой от пыли, как тесто — вторая лукавая команда: — до-жись!

Черная пыль хрустит на зубах; грязный пот — градом со лба, и под запыленными ресницами — стчаянный, озлобленный взгляд человека, в котором подавили все человеческое...

...Какой царский солдат мог теплым словом вспомнить лагерь, эту знойно пыльную «дачу», после которой душная казарма казалась... «санаторием»?

И как раз «обратное» этому испытывает в нашем лагере красноармеец. Не то, конечно, чтобы красная казарма была для красноармей-

Всенкория — «шестая дача»

Красная армия — муравейник, кишит этот муравейник целый округ концентрирует. С осени до весны, палаточные и блещущие, под снегом, осенние лагеря, дорожки принимают муравейники.

— Ежели-б пришло на ресу такого-б не было! А тут — интерес есть, творческий труд?

«В карман за словом не полезет».

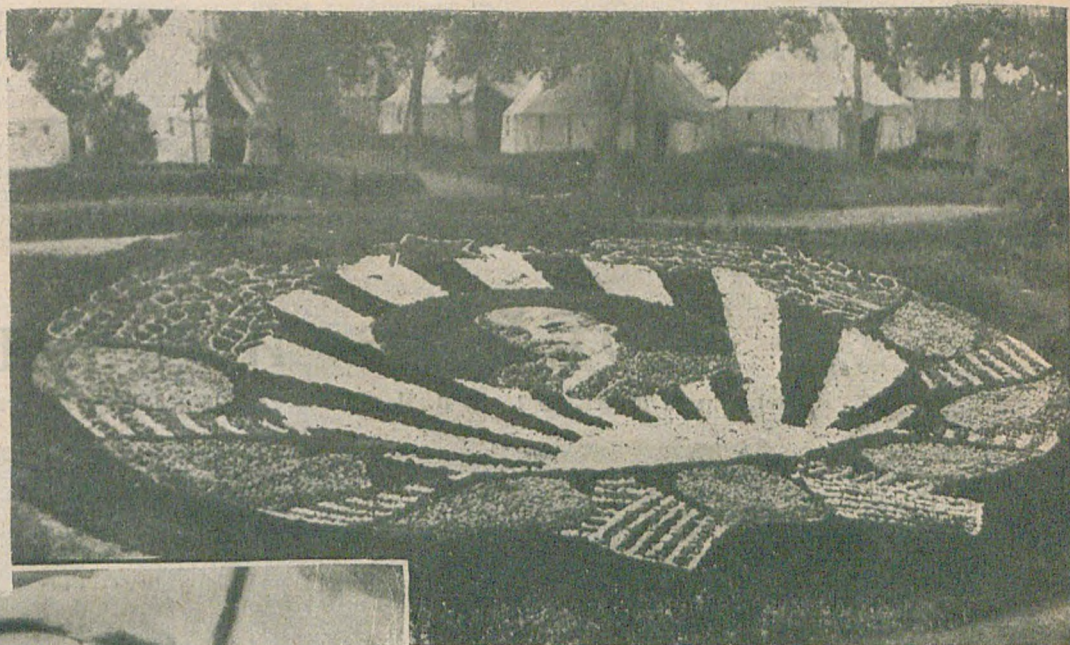
КИЙ МУРАВЕЙНИК

Снимки А. Шайхета.

тим местом. И казарма, несмотря на свою корявость, имеет свою светлую прелесть, если самая обстановка казармы сравнить с городом полотняный белыми шторами, пахучих и прочно обшито в наших казармах заменить ковром, а все те же ели близ лавчатая речка, то и не старый молодой всем «впадает» в кувыркась «моринкой» в речных

Хоть и в прошлом и в позапрошлом годах здесь было лагерное жилище, хоть и в прошлом году сверкали белозной и внутренним убранством ленточки, хоть и работала до минувшей осени усердная красноармейская метла по дорожкам, но осенней слякоть смыла краски с затейливых арок, смыло дождями сходство с выложенных цветными камешками на клубках вождей, все покорилося под льдом и снегом, а ранне-весенние лавны покусали дорожки.

— А ну, братва, навались!!
И в конце концов

«Ленин» — кропотливо сложенная красноармейцами мозаика из угля и камешков (украшение передней линейки).

Незаметно проходит первая восстановительная неделя, а за ней пожалуй — на «учебную каторгу». О ней, о крепкой лагерной учебе пишет выразитель красноармейских настроений — военкор, пишет он обычно в таких выражениях: «Практическая учеба — она труднее, чем в городе. Ну наши все довольны лагерем, потому что здесь учеба настоящая, зато и отдых настоящий. Кто любитель в спорт, а у нас все любители, то спортивные площадки всех вмещают и клуб дает массу

развлечений, так что ребятам всем в лагере нравится».

Здоровый молодой загар на всех обитателях красноармейского муравейника-лагеря. «Лезть из кожи с подсолнца» — полезно и приятно.

Тут и там видишь группы слушающих «политчас». Сидят на траве в полуобнаженном виде.

Но ежели на пляжу — тактическая учеба, то тут уже любой рядовик понимает, что «курортные» послабления неуместны. Строевая учеба — во главе лагерной жизни. Нужно привыкнуть и к скатке из

Красной армии. Число подданных державы растет в темпе, не отступающем от раббровского движения.

ейник. И особо по весне, когда устает в лагере. ставали гнезда перелетавший густо устилает я. За чистку правый красно-

«строительной недели» лагерь не только восстановлен, лагерь хочет переоснастить все прошлогоднее убранство, лагерь украшается более затейливыми, чем в прошлом году, арками, а какой-то изобретатель даже придумывает «форму» для грибка-дежурки в виде красноармейской фуражки со звездой.

Ежели кто по редкой нечаянности обронит на аллею спичку или окурок, — эту «грязь» не только уберет дежурный, но и всякий проходящий, на ком военная форма.

Курсантская группа на практических занятиях.

шинели—походной спутнице; нужно привыкнуть к противогазу—маске, с которой без умелого обращения многого не сделаешь: дыхание не наладится, окуляры под нос подсунешь и будешь в сем спасительном «уборе»—слеп и бездыханен.

Лопатка саперная, что болтается на поясу—также может в любой момент на ровном месте помочь устроить спасительную неровность: кокнул два-три раза—готов бруствер.

Старый наш сподвижник «Максимка» (пулемет системы «Максима») имеет свою «свиту» номерных, которые в мгновение ока занимают свои позиции и готовят «Максимку» к разговору.

Группка поодаль разобрала пулемет «по косточкам» и теперь упражняется в названии его составных частей.

Еще поодаль—политическая группка. Идет обсуждение—«каким образом втянуть деревенских девиц в комсомол».

Командиры запаса, демобилизованная братия, призванная на месячную «поверность», тут же на травянистом плацу «ремонтирует» свои военные познания.

Скачет вдали по кругу кавалерия, гудит и дупит на посадку самолет.

Сигнал обеденный.

Но еще перед обедом лагерное удовольствие—холодный душ, который в два

счета слизывает с головы густо навороченную мыльную пену.

— Под душем душа бодрится. И аппетит очень большой появляется!

Но до доньяшка не каждый выхлебает миску борща, не «выкорчует» из котелка всю кашу. В борще плавает дрейфующим кусина мяса, а хлебный порцион—размер в довоенных и сверхдовоенного качества.

Кипит с рассвета и до позднего вечера красноармейский муравейник. Его стержень—бодрость и гражданская сознательность, то-есть то именно, чего и в помине не было в человекоутошающей царской армии. Л. Митницкий.

ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Дом отдыха ВЦИК № 1 им. В. И. Ленина—бывшее имение Барятинских—«Марьино».

Помню: в восемнадцатом году из глуши Курской губернии в Москву прибыли ходоны. Их прислали местный ВИК—сказать Музейному отделу Наркомпроса о находящихся в Марьино, бывшем заповедном имении князей Барятинских, между городом Львовом и Рыльском, художественных ценностях и о том, что о них нужно позаботиться.

Снарядили экспедицию и, вместе с ходоками, поехали. Громадный и пустой тогда дом, окруженный великолепным старинным парком, казался притаившимся. В семи верстах был фронт. Под Рыльском стояли немцы. Дом, действительно, оказался наполненным художественными сокровищами. Под гром пушек приехавшие музейные работники приступили к учету и классификации найденного. Кроме прекрасной мебели, фарфора и бронзы, там были еще картины старых английских, голландских, французских и русских мастеров, неизвестные даже историкам искусства, так как в течение веков к ним имели доступ только люди очень замкнутого и небольшого круга, которые в большинстве случаев видели во всем этом лишь предметы обихода.

Теперь, отобрав только самое ценное, музейцы отправили в Московские музеи восемь вагонов. В первую годовщину Октябрьской революции эти вещи впервые появились на выставке Музейного фонда. Их вывели во-время: как выяснилось уже через несколько лет, княгиня Барятинская ездила в то время в Берлин специально затем, чтобы продать передвинутый фронт возле Марьино на семь верст глубже, чтобы она имела возможность опять прочинуть в свое имение.

Князь на веранде. Семья Барятинских с приживальщиками. Среди них—князь Александр Владимирович Барятинский, умерший в 1909 г. (слева третий).

Это Марьино всегда было гнездом самой высокопоставленной и вельможной знати. Еще в XVII веке им владел знаменитый гетман Мазепа, после его измены Меншиков, позднее ссланный, затем дядя Петра III Гольштейн-Бек и, наконец, выведившие себя от Рюриковичей, Барятинские.

Архитектура дома, мелочи обихода и документы архива—все говорит о протекавшей здесь безудержной пышной и праздной жизни за счет окружающего населения. Богатство Барятинских было огромно. Не считая остальных губерний, они

владели в одной Курской 35 тысячами десятин хлебороднейшей земли. По оставшимся документам видно, что за полгода они получали дохода до 2.000.000 рублей ассигнациями. Да и немудрено: в 1815 году каждая десятина курской земли давала 890 пудов ржи или пшеницы. И все это поглощалось одной небольшой семьей. Когда Барятинские ехали в Петербург—с ними шел обоз в 400 пудов живности. С мужика драли все, что можно. Для них он был всегда только хам, и под этим именем велел его изобразить один из Барятинских на иконе местного храма. «Хамом» не только торгуют, но, при продаже, «господа» стараются друг друга надуть, что достаточно ясно видно из воспроизводимого нами письма одного покушника в контору Барятинских.

Барятинские—крепостники, и, естественно, они ревностные усмирители всяческих «бунтов». Один из них борется со Стенькой Разиным, другой усмирляет инородцев в Томской губернии и, наконец, фельдмаршал А. И. Барятинский, «покоритель» Кавказа, берет в плен Шамиля и привозит его пре-

Государь Мой!

Барис Григорьевич.

*Долгожданный Поставляю Известить Вас, Ваше
А получила 9 числа Сего Месяца от
Графа Димитрия письмо ввотеромъ Онь
Младше прогналъ Малетта что посылка
для него людей Нисовелла Соответствуетъ
Его ожиданию, ипредполагается ввотеромъ Онь
Нисовелла что Свѣдѣтельство Паршинова Заражено
Шейною болезнью Называемой Зоба, пригласилъ
Ученны Её одна жена Овладетельна тавилъ
Что она можетъ Назначениемъ образовать
Дѣйствительна, тавилъ однимъ Руню ввотеромъ
Однимъ изъ Младшихъ Редитѣль Проданныхъ
Порочны Сораждо Старее 25-Мястѣ, ибб.
Онь Графа обѣ Асилъ что она была зме
Менатѣ поставилъ Свина 7-Мястѣ, мазилъ.
Помѣлъ павъ Графа желала Милитѣ Рѣдѣтъ
Совелла неможе что посылка Море не
Старее 25-Мястѣ, для того ввотѣ изъ —*

Письмо о продаже крепостных.

жде всего в Марьино: здесь из вещей Шамиля он создает специальный музей в память его о своем «подвиге».

С Революцией прежнее Марьино исчезло. С 1922 года здесь дом отдыха ВЦИК имени Ленина. Его художественные ценности доступны всем в Московских музеях, а двери дома гостеприимно раскрываются.

Вместо немногих пресыщенных, скотованных мертвым этикетом князей, охраняемых идолообразными швейцарами, в 120 больших светлых комнатах дома, в раскинувшемся на десятки десятин парке—веселый, непринужденный смех и бодрое оживление отдыхающих рабочих и служащих. Еженедельно новые 150 гостей. После трудового года—отдых здесь дает новую силу для работы. Товарищ А. А. Чевардин, старый большевик, заведующий домом отдыха, поставил его образцово. Для приезжающих установлен надлежащий режим. Оборудовано водолечение, Соляры. Проводится физкультура. Нередки случаи увеличения в весе отдыхающего на пуд в месяц. Хозяйство налажено прекрасно. Кормившие князей тысячи десятин отданы теперь крестьянам. Приведены в культурный вид запущенные сады, огороды и оранжереи, форма в изобилии доставляет молоко. Всего этого достаточно, чтобы

Там, где было рабство

Новые книжки библиотеки „Огонек“.

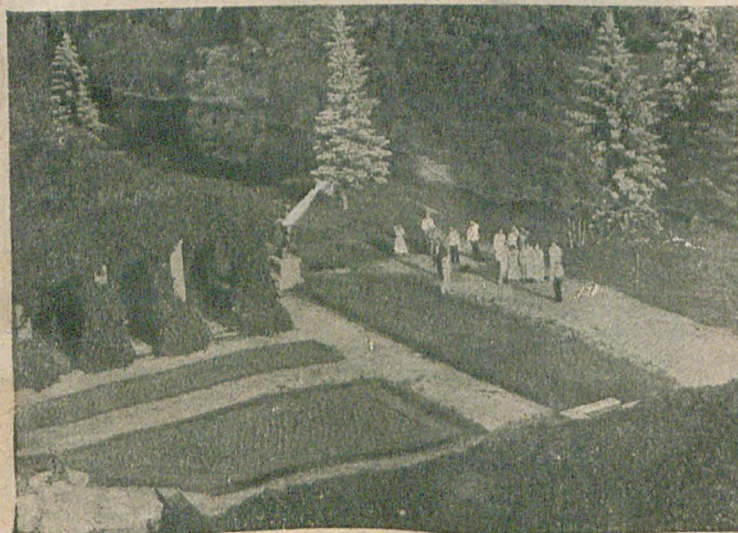
Новые книжки библиотеки «Огонек» рассылаются с настоящим №-ром.

Наверху—отдыхающие с зав. домом отдыха А. А. Чевардиным (X) и доктором Ив. Ивановым (XX). Внизу—отдыхающие и местные крестьяне. Среди них два старика 84 и 104 лет.

дом отдыха сам себя питает. И неотчужденным от местного населения является

зации; приехавшие из центра товарищи, проводят ежедневные беседы с крестья-

Марьино теперь не только дом отдыха: это один из тех авангардов культуры,

Вид с балкона дома. Внизу, на площадке—отдыхающие.

Группа отдыхающих на лодке.

он теперь. Двух отделенных друг от друга миров—«дворца» и «деревни»—больше не существует. Дом поддерживает детские крестьянские учреждения, профоргани-

нами. Крестьяне—желанные гости в доме. И невероятной, нелепой сказкой уже кажутся рассказы двух столетних стариков о княжеском прошлом.

благодаря которым новая жизнь и новый быт просачиваются в деревню.

На самолете „Лицом к деревне“

Очерк. Виктор Шлаеский.

Аэроплан «Лицом к деревне», вылетевший из Москвы для совершения агит-полета Москва—Воронеж—Калач—Царицын—Черный Яр—Астрахань—Оренбург и дальше на Москву через Саратов и Нижний, сейчас находится в Воронеже.

Описывать полет трудно, так как его уже много раз описывали.

Общее впечатление: подъем приятен, спуск неприятен, качка совсем неприятна, а при повороте, когда одно крыло самолета выше другого, хочется держаться за соседа.

Аппарат, на котором меня везут—системы Юнкера. Он весь из гофрированного алюминия. Никаких креплений не видно, они внутри толстых металлических двойных крыльев. В крыльях же около пассажирской кабины спрятаны бензиновые баки.

Двигатель 180 сил шестисилиндровый: управление двойное: все рукоятки и педали есть у летчика и у моториста, который сидит с ним рядом. Весь самолет, если не считать крыльев, похож на тупоносую рыбу. В глаза этой рыбы влезают и вылезают летчик и моторист. Потом идет маленькая кабина на четырех пассажиров. По отделке она похожа на ложу немецкого театра, т.е. обита какой-то материей с разводами и занавесками с помпонами.

Из окон кабины видны надежные крылья, которые летят рядом с ней, как две вагонные крыши. А внизу, так на версту ниже, проходят губернии, сменяя одна другую.

Внизу все так обобщено, что кажется совсем новым.

Видны стада. Квадратики крестьянских построек с черными квадратиками дворов внутри, поля, выложенные плотно одно к другому и расстрихованные в разные стороны.

Качает (сильный ветер), всего сильнее качнуло над Рязанью. Сменяются и становятся крупнее поля. Чернеет гуще поле под паром.

Меньше речек, чаще пруды.

Сели под Воронежем на поле. Потом перелетели на речку Воронеж.

Воронеж—узкая река, которая имеет воду только весной. Поднялись с Воронежа с трудом, все время садились на мели.

Юнкере—машина тяжелая—любит разгон, а Воронеж река не только мелкая, но и кривая, да еще с мостиком.

Сейчас сидит самолет на Дону и доволен.

Мне предложили в течение дней ожидания и работы механика посмотреть Воронежскую губернию.

Почти случайно я попал к мелiorаторам.

Повезли по уездам.

Большак.

Ездить тут нужно, или на аэроплане, или на волах—парой.

На водоразделах—на высоких местах—пустыня. В поле выезжают на неделю

Постройка плотины в Валуйском уезде, Воронежской губ.

и живут у телег, привозя с собой воду в бочках.

Из деревень выселены помещики, но еще важнее выселить с полей овраги.

Поле больно оврагами, как сифилисом.

Ползут пески, намыльные и ветряные.

Нужно организовать крестьянство не может сделать это само. Смычка города с деревней—единственное спасение культуры.

Здесь был неурожай и будет. Дождь выпадает, но не попадает в то время, когда он нужен.

Абсолютное количество осадков почти достаточно. Но вода попадает не вовремя и уходит в иссушенную оврагами почву.

Земля издырявлена

Нужно пробить хоть несколько часов в безводной степи и видеть людей, которые не мылись уже неделю, надрываясь над своим полем, чтобы понять, что сделано

Спасаются исчезающие реки. Река «Тихая сосна» выкопана вновь. Ее выкопали, убыстрили и сейчас она унесет воду с 2.500 десятин. Всего осушают 6.000 десятин.

Условия работы тяжелые. Малярня защищает свои наследственные места. Работали в воде по

грудь. Сейчас прислали новые насосы и откачали воду.

Население относится к работам с напряженным интересом и на Тихой Сосне внесло в работу 24.000 человеко-дней.

Дней работы в холодной воде.

Спасенная от болота земля, конечно, переходит к населению.

Кругом очень бедно. Культуры, как будто, нет никакой.

Она придет за водой и сменит жестокою беспросветную нужду, которую знал край от времени мамонта до вчерашнего дня.

Завтра лечу дальше.

Виктор Шлаеский.

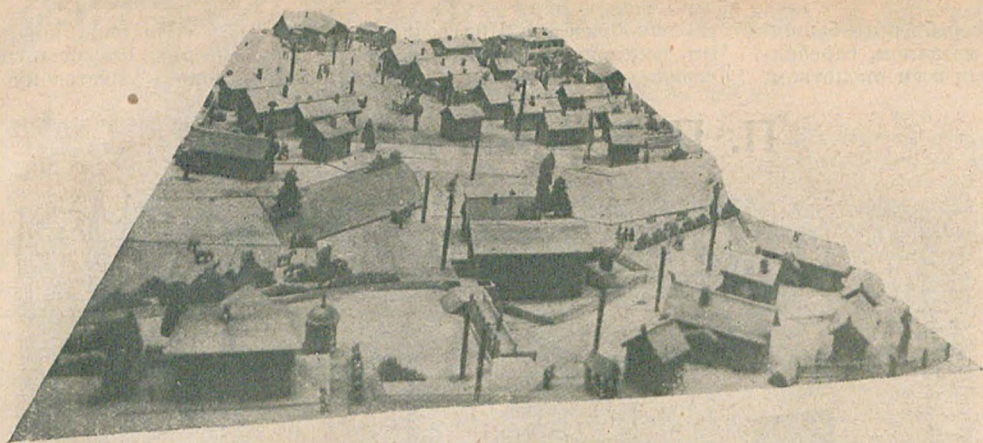
Новые рабочие дома в г. Спалине

Оставшиеся Сталинскому комбинату в наследство старые колонии рабочих квартир в большинстве случаев представляют из себя совершенно неудобные жилища как по своей устарелости, изношенности, так и по своему расположению. Но не имея средств на постройку новых жилищ, заводоуправление было радо и тем, какие имеются в наличии, так как требование со стороны рабочих на предоставление им квартир с каждым днем неимоверно увеличивалось.

И, наконец, в текущем строительном сезоне, заводоуправление Сталинского комбината получило возможность приступить к постройке новой рабочей колонии. До января 1926 г. намечено построить на восточной стороне (горы)—150 каменных домиков, по две квартиры каждый. Таким образом, в новой колонии будет 300 квартир. Каждая квартира будет состоять из 2-х комнат, затем одной прихожей, кухни и уборной.

На снимке — закладка фундамента первого домика, при большом стечении рабочих Сталинского комбината.

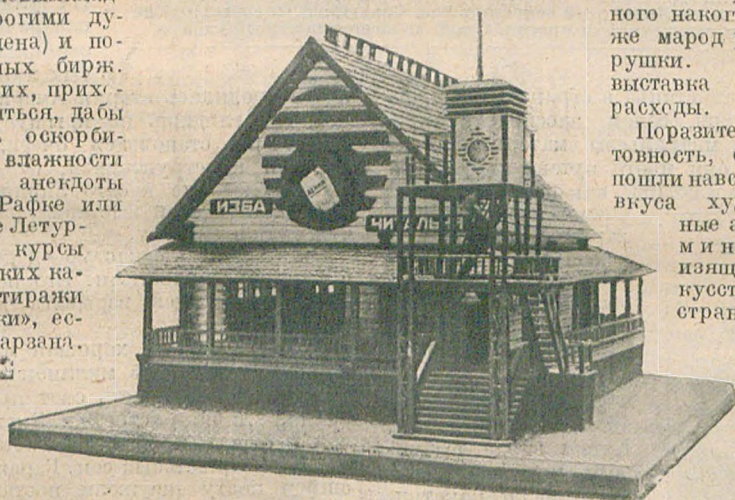
Модель электрифицированной деревни, выполненная куستاжами и выставленная в кустарном зале Советского отдела.

ВСЕМИРНАЯ ВЫСТАВКА

Очерк Ильи Эренбурга.

1. Новый стиль.

Их зовут на разных языках по разному: «нувориши», «шпибера», «эпиманы». Как Андиомена из морской пены, они вышли из рыжей жижи Мазурских болот и долин Соммы. Они пахнут тыловымкладбищем, дорогими духами (Герлена) и потом уличных бирж. Говоря о них, приходится смеяться, дабы не выдать оскорбительной влажности глаз. Это анекдоты о госпоже Рафке или о господине Летурнере. Это курсы амстердамских каратов. Это тиражи «Холостячки», если не Тарзана. Это четы-

Макет здания для избы-читальни, работы учеников Вхутемаса.

ре основные башни Всемирной выставки, каменные туши, нагло расположившиеся на Эспланаде Инвалидов, с брелоками на бездонном животике и с чековой книжкой в кармане.

Каждый раз проходя мимо этих капищ, кичащихся даже ценой золотых зубов, я приподнимаю каскетку — как не узнать своих давних знакомых: «Здравствуйте, monsieur Деле, мое почтение, мистер Кузь! Вот вы стали пожизненными памятниками!».

Прекрасный Париж, его обезобразили. Рядом с зеркалом площади Согласия (на которой мечтал жениться даже наш наивный привереда Мейковенский), рядом с садом Тюльери, белым салом набухли павильоны Великобритании Империи или империи магазинов «Бон-Марше». Раковая опухоль. Газетные критики (построчная премудрость обязывает) гадают: «новый стиль? Да, да, новый стиль». «Нет, позвольте, а Мюнхен 1900 года? Сеппесион». Как же улыбнуться? Как, проходя по стеклянным спальням, не вспомнить анекдотов о госпоже Нэпман и глазами не залезть под кровать, ища Севр? Взята изумительная техника современности, точность усовершенствованных машин, умелость мастеров и все это пригнано под вкус и запросы восьмидесятикиловой Клеопатры, ласкающей

держателя акций «Мексикан-Игл». При соединяюсь, таким образом, к оптимистам: создан новый стиль, стиль новых снобов, ухитряющихся даже на Пикадилли и на улице Рояль хранить еще дикарскую наивность, стиль эстетически дряхлый, но житейски молодой, стиль первоначального накопления или же мародерской пирушки. Всемирная выставка оправдала расхвяды.

Поразительная готовность, с которой пошли навстречу этим вкусу художественные академии и мими стертые изящных искусств всех стран.

Имеется ведь выбор — в любой стране раба таюткивые мастера, ищущие подлинный стиль

нашей эпохи, стиль не всего машинного романтизма, циркулярный поэзии и суровых чувств. Но их оставили в стороне. Редкие павильоны (как то советский, чешский, туризма, «Esprit Nouveau»), о которых я скажу впоследствии, напоминают инженерных или рабочих в проезде, пресбравшихся, благодаря рассеянности швейцара, на бал, где различные части тела, оголенные и камуфлированные, сливаются в один абрикосовый, тщательно улитанный и в литературе неопределяемый шар. Вот она и афиша сегодняшнего бала «Ферическая ночь в «Grand Palais» — вход 500 фр., ужин 1.000 фр. «Здесь цифры знаменуют уровень. Что-же. Да здравствует новый стиль».

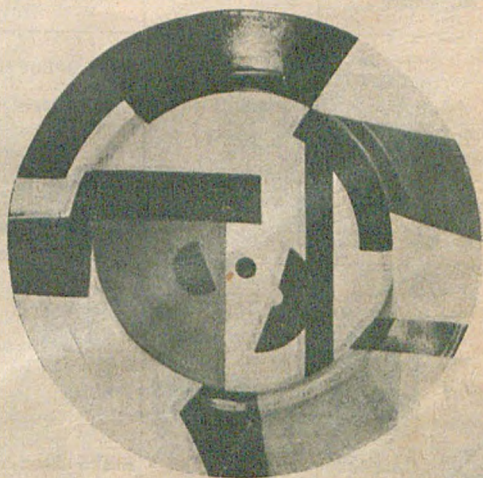
Само название предопределило характер: в слове декоративный сказалась исторически запоздавшая жажда этих новых Медичей украсить (после животов и пальцев) свою жизнь. Повышательная тенденция биржи позволяет и теперь позабавиться и о красоте. Живые, творческие элементы, давно уже восставшие против «украшательства» оказались за бортом. Не Кюрбюзье-Сонье строил французские павильоны, не Десбург — голландский и не Буржуа — бельгийский, нет, строили податливые подрядчики, эти на

вес золота расцениваемые анонимы. Они соорудили всемирный «Бон-Марше», универсальный магазин втораочественней

Экспонат Ленинградского Гос. фарф. завода. Посуда с «бесприметной» росписью художника Сутина.

рескоши. На пароходах ни один свободной койки, поезда дублированы, билетные кассы набиваются горами легких франков. Держателям акций «Выставка» (имеются и таксы) — не о чем жалеть.

Экспонат Ленинградского Гос. фарф. завода. Блюда работы худ. Сутина.

2. Некоторые детали.

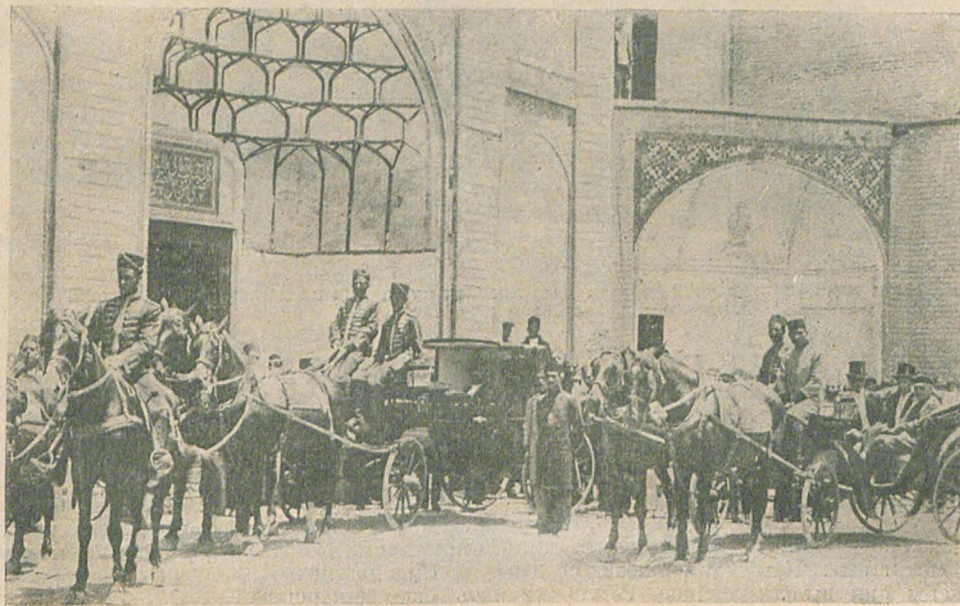
Главные ворота. Посеребренные башни. Когда их покрывали металлом, серебристая пыль носилась над всем околотком, на радость мальчишкам. Уже передняя настывает: «Хозяин-то наш как богат!»

Италия. Плохая копия плохого палаццо хорошего ренессанса. Помпезность фашистских клятв и начальство разбавившего (на американке) ладзарни. Латинская надпись поясняет эрудитам, что павильон сей построен в царствование Виктора-Эммануила (авторская скромность опускает драгоценное имя *duse* — «вождя»). Это, вероятно, чтобы не ошиблись, чтобы не подумали — может быть он построен этак в XVI веке. Излишняя забота — тогда строили такие вещи хорошо, теперь строят их плохо. Нельзя в любое время года выгонять клубнику. Италия, имеющая изумительную архитектуру завода «Фиат» и классический план Турина, выставила колоссальный преспанье. Столько-то тысяч тонн мрамора.

Столько-то килограммов золота. Всего — 5 миллионов лир.

Великобритания. Индусский (?) «стиль». Что подделаешь — мировая держава. Это, очевидно, классическая резиденция лон-

П. П. Юренев в Персии.

Новый полпред СССР в Персии П. П. Юренев вручил верительные грамоты персидскому шаху. После вручения верительных грамот.... Дворцовые кареты перед дворцом: 1) Полпред Юренев с церемониймейстером двора, 2) Генконсул Лидин, 1-й секретарь тов. Славуцкий, военный атташе тов. Бобрищев, 3) Карета с прочими сотрудниками миссии. Сзади виднеется почетный караул.

донского наместника в странах, где древняя культура, голод, пассивное сопротивление и митральезы «матери-метрополи». Как они много путешествуют, эти митральезы и кодаки, как они мало видят!

Опошление туземного характера здесь доведено до дорогостоящей карикатуры. Но это не знаменитый английский юмор, это всерьез..

Польша. Псевдомодернизм, довоенной провинции Германии. Купол в виде вычурного кулуара. Стиль варшавской кокетки, работающей «под Европу» («чем мы хуже?»).

Бельгия. Короче. 4 миллиона франков. Статуя королевы. Магазин «Дувр». Спешите! Недорого! Остатки! («Soldes»).

Современная церковь. Стиль «ультра-модерн». Колокола. Каждый час — звон (за особую плату немедленно).

Аттракционы. Две полутолые дачки (не из мрамора, живые, много дешевле тех, что в павильонах и ничуть не хуже). Они лежат на кроватях. Охотники должны попасть мячиком в мишень. Тогда кровать поворачивается и дачки падают на пол. Приятный беспорядок. 5 мячей — 2 франка. Дешевка! И т. д.

3. Сон о гараже.

«Это стеклянная клетка для красного зверя», сказал господин Нувориш, подходя к советскому павильону.

«Это единственный павильон на выставке, который стоит смотреть», сказали архитектор Кюрбюзье-Сонье, художник Леже, поэт Мак-Орлан. Следовательно все в порядке.

Германии на выставке нет. Аграрная Россия оказалась единственной страной (если не считать маленькой комнаты Австрии), которая дала выражение новому и н д устриальному стилю. Урок поучителен. Он напоминает нам об исконной романтической природе искусства. Жители 136 авеню Нью-Йорка, коверкотные птицы, гнездящиеся на небоскребах, мечтают о девственных лесах. На улицах Замоскворечья, среди особняков, золотых луковок и ту-

лупов, родилась вторая Америка.

Когда глядишь на крышу советского павильона становится очевидным, что русский конструктивизм, от «Про это» Маяковского до косо го ливня, орошающего посетителей выставки (см. крышу) чужд утилитаризму.

Он радует легкостью — действительно выставочный павильон. Его не придется через 6 месяцев взрывать динамитом. Заезжий гость!

Есть у красоты хорошая мамка — бедность. Далеко от 5 миллионов лир. Допускаю, что жесткость смет приятно выравнила линии постройки. Экономия рублей перешла в экономии эстетическую.

Индустриальный сон. Гараж приснившийся поэту (неужели поэтам должны сниться обязательно палашки?). Стекло устраняет двусмысленность — это ясность хорошей погоды и еще витрины.

В Париже много автомобилей, хороших автомобилей, не чета нашим комичным прадедушкам, с отдышкой вибрирующим на высоте Кузнецкого моста. Их умеют строить. Умеют строить для них и гаражи. Но все это считают далеким от искусства. Для выставки же выставили почтенный порт-шез, только слегка его подкрасили и то не добротными румянами Коти, а сомнительным анилином декадентствующих декораторов.

Когда я в прошлом году ехал по Крепости, дряхленькие санки распались на две части. Я испытал всю неприязненность мартовского снега.

Зато мы выставили сон о гараже.

Илья Эренбург.

Последние книжки библиотеки «Огонек».

В. ШКОЛЬСКИЙ КОНЕЦ ПОХОДА 	МИХАИЛ КОЛЬЦОВ РАПАДНЫЕ ПРОГУЛКИ 	РАССКАЗЫ С. ГЕХТА 	Д. О. КАРНЕН РАССКАЗЫ О ПЯТОМ ГОДЕ
БОР. ПИЛЬНЯК БРЕЛАНЗА 	ИЛЬЯ РЕНЦ ИЗВОЗЧИК В ПЕНСНЭ 	М. ГОРЬКИЙ КАК СЛОЖИЛИ ПЕСНО 	СЕРГЕЙ ЕСЕНИН КОРЯВЫЕ СТИХИ
ЖАН ТУССЕЛЬ КАМЕНОТЕС РАССКАЗ 	КЛОД МАК-КЭ СУДОМ ЛИНЧА 	ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ ТРУВКА КОММУНАРА 	ОЛЬГА ФОРШ ОБЫВАТЕЛИ РАССКАЗЫ
А. ЗОРИЧ О ЦВЕТНОЙ КАПУСТЕ 	НИКОЛАЙ АШУКИН КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ 	Л. МИТРИЦКИЙ БРАТ В А 	ЖОЗЕФ КЕССЕЛЬ МЭРИ ИЗ КОРКА

Цена отдельной книжки — 15 коп.

Подписчикам библиотеки «ОГОНЕК».

Библиотека «Огонек» выходит по ДВЕ книжки в неделю, высылаемых с каждым номером «Огонька», всего 8—10 книжек в месяц. Поэтому срок подписки на Библиотеку «Огонек» тем подписчикам, которые подписались на ОДНУ книжку, — из расчета на 4—5 книжек в месяц, — соответственно сокращается. Высылка не этим подписчикам «Огонька» без «Библиотеки» продолжается до истечения срока их подписки на «Огонек».

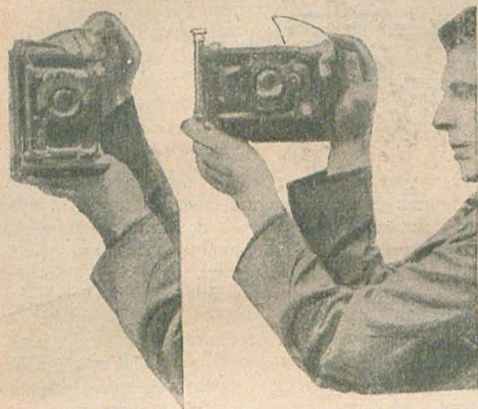
Желающие получить вместе со следующими номером «Огонька» пропущенные книжки, а также и дальнейшие книжки «Библиотеки», имеют выслать дополнительную плату.

Как фотосграфировать для „Огонька“

Очерк третий.— ВЫБОР АППАРАТА.

Можно работать хорошо с дешевым аппаратом и плохо с дорогим. Усовершенствованная камера быстрее и удобнее приспособляется к разнообразным обстоятельствам съемки, но на самое изображение конструкция камеры не влияет.

Среди любителей распространена складная ручная камера с откидной передней стенкой, по которой выдвигается мех камеры с объективной частью. Эта камера очень удобна для всевозможных работ, снабжается она центральным затвором. Излюбленный любителями размер— 9×12 см.: камера при нем не громоздка и снимки настолько велики, что не требуют увеличения.

Совершенно неизвестный у нас способ—камеру с обыкновенным отражающим видоискателем держать на уровне глаз.

Желающему серьезно заняться фоторепортажем более удобна складная камера с распорками—она всегда готова к съемке, моментально раскрывается.

Эти камеры снабжаются шторными затворами. Немецкие фото-репортеры сплошь пользуются камерами на распорках размера 13×18 см., предпочитая давать контактные отпечатки.

Маленькие модели клапкам с распорками—размера $4,5 \times 6$ см. вследствие малого объема и веса свободно помещаются в кармане и без труда могут буквально всегда находиться при фотографе. Важнейшее их преимущество заключается в их коротком фокусном расстоянии: они дают снимки резкие от первого до последнего плана.

Негативы, даваемые миниатюрными камерами, нужно увеличивать. Наиболее излюбленный французскими репортерами вид аппаратов—именно карманные камеры $4,5 \times 6$ см. и реже 6×9 см.

Англичане предпочитают камеры размером не менее 9×12 см. Американцы работают преимущественно зеркальными камерами Графлекс.

Советские фото-репортеры чаще всего применяют также зеркальные аппараты. В них изображение, которое получится на пластинке, можно видеть в том же размере на верхнем матовом стекле камеры, приводить его в фокус и наблюдать до самого момента спуска затвора.

Взаимная конкуренция многих фирм привела к тому, что плохих объективов сейчас нет, на рынок выпускаются совершенные и безукоризненные приборы,

каждый тип их имеет свои особенности.

Дешевые аппараты выпускаются с апланатами—эти в общем недурные объективы дают по краям пластинки изображение менее резкое, чем в середине ее.

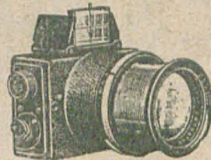
Самый совершенный тип объектива—анастигматы: они без диафрагмирования при полном отверстии дают негативы большой резкости.

Большая светосила их ставит фотографа вне зависимости от света и дает возможность производить моментальные снимки в пасмурную погоду.

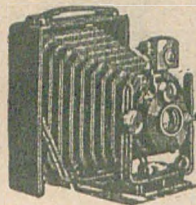
В последние годы в погоне за светосилой многие фирмы выпустили весьма светосильные анастигматы для моментальных аппаратов, размера $4,5 \times 6$ см. Так, Эрнеман, выпустивший в прошлом году «Эрностар» $f/2$, в 1925 г. дает его уже $f/1,8$. М-йер дал плазмат $f/2$. Цейс выпустил Тессар $f/2,7$ и Биотар $f/1,8$ —наивысшая достигнутая пока светосила.

Самая распространенная среди фоторепортеров всего мира светосила $f/4,5$. Правда объектив $f/1,8$ требует в 6 раз меньше время экспозиции, чем Тессар $f/4,5$, но зато в первом случае страдает резкость изображения и глубины. Для любителя вполне достаточна светосила $f/6,8$, она пригодна для всех моментальных съемок и дает превосходную резкость, недоступную прибору с большей светосилой. Наилучший объектив этого рода—Дагор Герца.

Среди репортеров наиболее распространен Тессар $f/4,5$. Для художественных и портретных съемок можно рекомендовать мягко $f/4,5$ Фохтлендера и Глаукара $f/3,1$ Буша.

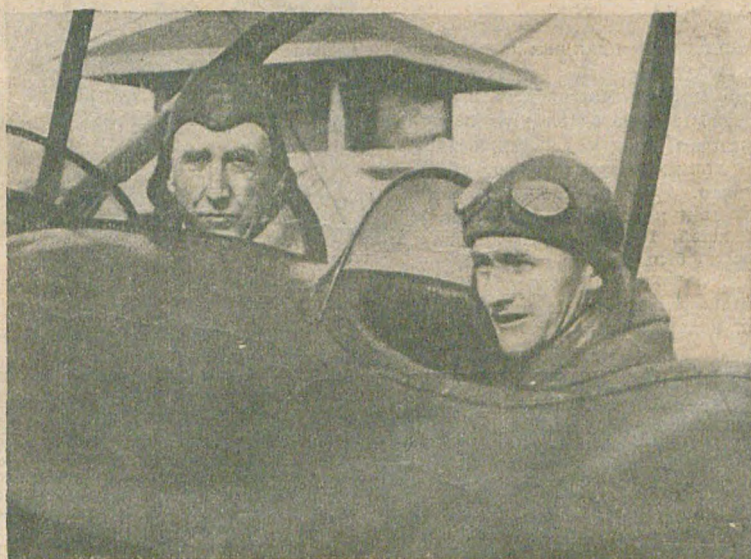

«Эрманокс». Объектив со светосилой $f/2$ больше самой камеры. Применяется в «Огоньке».

Любительский аппарат.

Возвращение Амундсена

Амундсен (слева) с монтером Омдалем на аэроплане в Канби.

К каждому объективу нужно привыкнуть и узнать все особенности его работы.

Моментальный затвор, пригодный для репортера, может быть или центральным (секторным) или шторным. Центральным затвором, работающим между линзами объектива, очень удобен и прост в обращении, работает почти бесшумно и допускает экспозиции от 1 секунды до $1/200$ сек. Для любителей и начинающих этот тип особенно удобен, лучшие модели—Компунд Компур.

Более совершенным является шторный затвор, состоящий из шторки со щелью, пробегающей перед самой пластинкой. Он допускает скорость от $1/10$ и до $1/3000$ секунды, дает возможность использовать всю светосилу объектива, при более короткой экспозиции получать лучшие негативы. При экспозициях же со скоростью свыше $1/200$ сек. до $1/3000$ сек. вообще применим только шторный затвор.

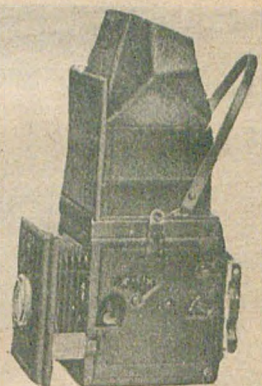
Видоискатели с отраженным изображением, которыми обычно снабжены любительские аппараты, дают настолько малое изображение снимаемого предмета, что снимать приходится без уверенности в хорошей компоновке снимка; камеру приходится держать на высоте пояса, благодаря чему получается лишнее пустое пространство на первом плане; для съемок же в толпе они совсем непригодны.

Сквозные видоискатели, наоборот, вынуждают держать камеру на высоте глаз, что дает снимок более привычный для глаза. Во всех случаях наводка сквозным видоискателем быстрее, удобнее и надежнее. Самым же идеальным видоискателем является зеркальная камера.

Идеальная камера для фоторепортера должна быстро раскрываться, моментально быть готовой к работе, быстро устанавливаться на фокус, иметь объектив—анастигат со светосилой не менее $f/6,8$, шторный затвор, сквозной видоискатель. Из-за небольшого промедления, вызванного несовершенством камеры, часто можно потерять ценный снимок.

Клапкам на распорках.

Зеркальная камера «Инка». Употребляется в «Огоньке».

В. Микунин.

ДЕТИ ПОД СОЛНЦЕМ

Фот. С. Тулеса.

Площадка готова к приему детей.

Площадка—мысль не новая. Туберкулезники давно ее используют для своих целей. Но охрана материнства и младенчества

Площадка открыта с 10-ти часов утра до 6-ти часов вечера. Мать имеет возможность предоставить ребенку свежий воздух, который так ему необходим. Мать поняла назначение этой площадки: она перекроила всю свою жизнь так, чтобы выделить хоть несколько часов для того, чтобы провести с ребенком время на площадке. Вместе с тем площадка углубляет работу консультации: тут мать первый раз изучает уход за ребенком, привыкает не бояться воздуха, сквозняков, ветра словом отучается от многих предрассудков.

Площадка использует силы природы: дети тут получают воздушные и солнечные ванны. Солнце является другом детей, но для маленьких детей, оно может оказаться и врагом, если им неправильно пользоваться.

Обливание после солнечной ванны.

имеет дело с детьми раннего возраста и площадки для них еще только впервые устраиваются.

В прошлом году Гос. Институт Охраны Материнства и Младенчества была проделана большая работа. Благодаря углубленной работе сестер консультации, патронажа, под непосредственным руководством врача, был довольно детально изучен район, обслуживаемый консультацией и патронажем.

Патронаж проник в темные подвалы и коридоры района, сырые комнаты и изучил условия жизни детей. Консультация выловила этих бледно-желтых младенцев, хилых, больных, рахитичных, нередко с зачатками туберкулеза.

Институту стало ясно, что жилищные условия мы не в состоянии быстро изменить, но что требуется какой-то корректив и что его можно ввести.

Солнечно-воздушные ванны.

Поэтому площадка находится под наблюдением сестер, при непосредственном руководстве врача.

А. Б.

Издательство «Огонек» Мосполиграф.

Редактор Мих. Кольцов.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОГОНЕК. РЕДАКЦИЯ—тел. 2-96-12. Москва, Тверск. Б-ль, 3. ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Тверск. б., 26, тел. 4-80-08. ОТДЕЛ ОБЪЯВЛЕНИЙ—тел. 4-29-45. ЭКСПЕДИЦИЯ—тел. 3-91-48. Телеграфный адрес—«Москва Огонек». ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ: 1 страница—960 рублей. 1/2 стр.—480 р.; 1/4 стр.—240 р.; 1/8 стр.—120 р.; 1/16 стр.—60 р., строка непарелли—1 р. 80 к. Сверх тарифа—15% налога. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: На «Огонек» без Библиотеки «Огонек» 1 мес.—р. 50 к., 3 мес.—р. 1 р. 50 к., 6 мес.—р. 3 р.—к., 9 мес.—р. 4 р.—к., год 5 р.—к., с одной книжкой «Библ.» (4—5 кн. в м-д). 1 * 1 р.—к., 3 * 3 р.—к., 6 * 5 р.—к., 9 * 7 р. 50 к., * 10 р.—к., с двумя книжками «Библ.» (8—10 кн. в м-д). 1 * 1 р. 50 к., 3 * 4 р. 50 к., 6 * 7 р.—к., 9 * 11 р.—к., * 14 р.—к., Комплент «Библиотеки» по 10 книжек высылаются за 1 р. 25 к. Отдельные книжки высылаются за 15 коп. За границу: на 1 мес.—35 центов, 1 экз.—10 центов или в переводе на соотв. местную валюту; с одной книжкой библиотеки «Огонек»—вдвое, с двумя книжками—втрое. В Германии—на 1 м.—1 марк 50 пф., один экз.—50 пф. Подписка на «Огонек» принимается всеми почт.-тел. учреждениями.

Москва, Главлит № 41.517.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

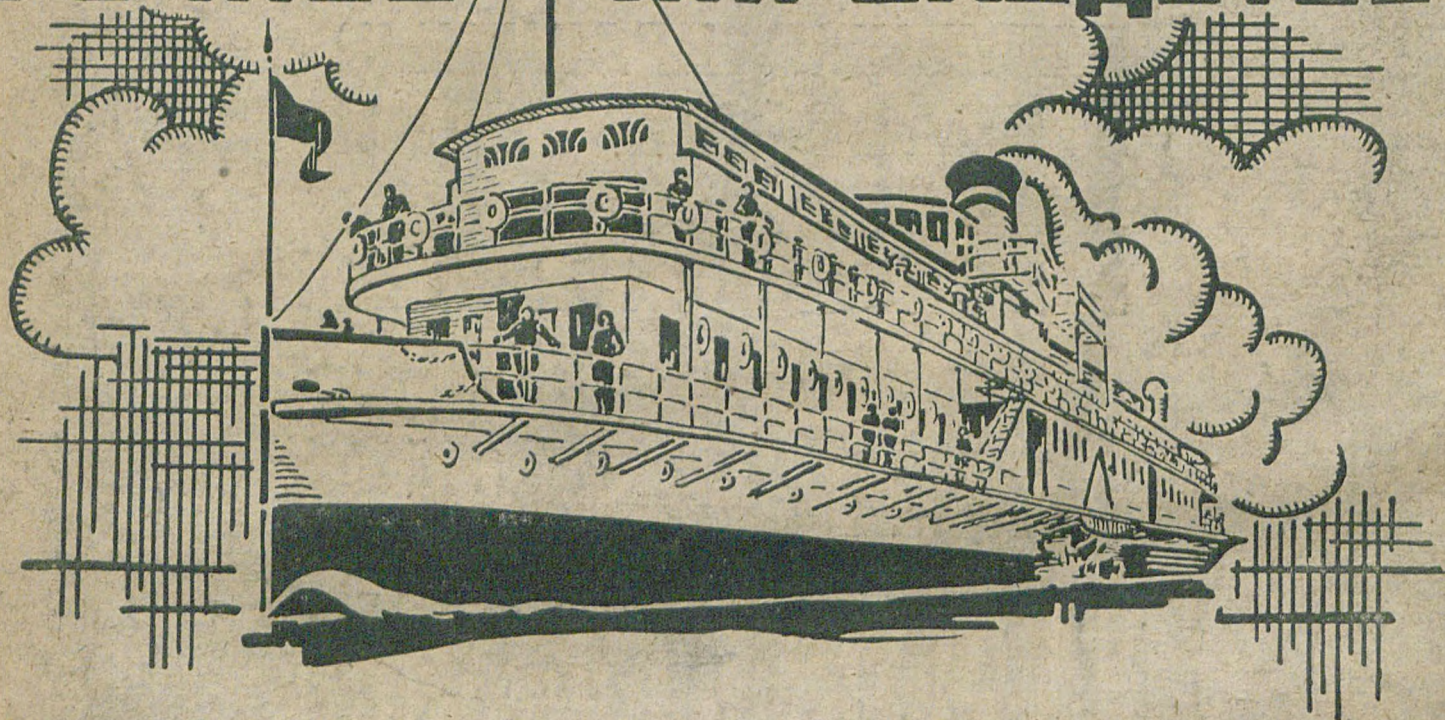
150.000 экз.

**НАБИВНЫЕ, КРАШЕННЫЕ
И БЕЛЬЕВЫЕ ТКАНИ
ЛУЧШИХ СОРТОВ
В БОЛЬШОМ ВЫБОРЕ**

**ВЛАДИМИРО-АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
ХЛОПЧАТО-БУМАЖНЫЙ
ТРЕСТ**

**ПРАВЛЕНИЕ В МОСКВЕ
Ильинка Юшков пер. 4**

ВОЛЖСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО

ЛУЧШИЙ ОТДЫХ— поездка по Каме и Волге

на парходах, удовлетворяющих высшим требованиям гигиены и удобства, имеющих отдельные каюты 1 и 2 классов с мягкими спальными местами, первоклассные б. феты, ванны, библиотеки, парикмахерские, электрическое освещение

Путешествие носит характер курортного отдыха и продолжается:

по КАМЕ — от НИЖНЕГО до ПЕРМИ и ОБРАТНО — 11-12 ДНЕЙ

по ВОЛГЕ — от НИЖНЕГО до АСТРАХАНИ и ОБРАТНО — 14-15 ДНЕЙ

ПАРОХОДЫ отходят ЕЖЕДНЕВНО

СТОИМОСТЬ ПРОЕЗДА
на пассажир кой лин-и:
от Нижнего до Астрахани в 1-ом классе — 23 р. 50 к.
во 2-ом „ — 17 р. 65 к.
в 3-ем „ — 8 р. 35 к.

СОДЕРЖАНИЕ
обходится не дороже обычного городского: обед из двух блюд 60 коп. Все питание обходится не дороже
1 р. 20 к. — 1 р. 50 к. в день

БИЛЕТЫ в оба конца туда и обратно можно заблаговременно получать в Транспортных Конторах **ВОЛЖСКОГО ГОСПАРОХОДСТВА:**

В Москве, Мясницкая 1
„ Ленинграде
„ Баку
„ Иваново-Вознесенске
„ Оренбурге
„ Уральске

В Свердловске
„ Киселе
„ Ростове и Дону
„ Б. гильме
„ Мелекеске
„ Н. Новгороде

ПРАВЛЕНИЕ: Н.-НОВГОРОД Кооперативная 13